

Вестник Евразийской науки / The Eurasian Scientific Journal <https://esj.today>

2021, №4, Том 13 / 2021, No 4, Vol 13 <https://esj.today/issue-4-2021.html>

URL статьи: <https://esj.today/PDF/10ECVN421.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Чернявский А.Д. К динамике развития капитализма. Часть I // Вестник Евразийской науки, 2021 №4, <https://esj.today/PDF/10ECVN421.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Chernyavsky A.D. (2021). To the dynamics of the development of capitalism. Part 1. *The Eurasian Scientific Journal*, [online] 4(13). Available at: <https://esj.today/PDF/10ECVN421.pdf> (in Russian)

УДК 330.3

Чернявский Александр Дмитриевич

ФГБОУ ВО «Московский технический университет связи и информатики»
Волго-вятский филиал, Нижний Новгород, Россия
Преподаватель
Кандидат физико-математических наук, доцент
E-mail: tutornn09@rambler.ru

К динамике развития капитализма. Часть I

Аннотация. Мировая система капитализма, как любая система в процессе эволюции подвержена зарождению, росту и насыщению с последующей трансформацией в новую формацию, которая наследует общие черты предшественницы либо, учитывая агрессивную сущность капитализма, отказывается от них. Особо жесткими спорами о судьбе и дальнейших путях развития мировой капиталистической системы ознаменовался конец XX века и, соответственно, начало XXI века. Основным мотивом, движущим эту полемику, являются непрерывные нарастающие кризисы мирового финансового капитала.

Проведен критический анализ основных результатов работ экономистов, социологов, политологов о путях эволюционного развития мировой капиталистической системы.

Автором предпринята попытка, основываясь на анализе поведения мельчайшего элемента этой системы — индивида, а также используя материалистический диалектический закон единства и борьбы противоположностей в виде дихотомической пары индивида — рациональности и иррациональности, оценить динамику развития всей макросистемы капитализма.

Основываясь на понятии введенной Марксом превращенной формы, осуществлена проекция этой закономерности на динамику развития мировой капиталистической системы. При этом получено, что эволюционная кривая развития мировой капиталистической системы описывается логистой, т. е. проходит все указанные в начале три фазы развития. Показано в модели, что собственно резкий рост финансового капитала мировой системы ускоряет процесс достижения ей насыщения.

Проведено сопоставление возможных путей дальнейшего развития капиталистической системы на основе работ экономистов, социологов, политологов.

Основной путь дальнейшего развития мировой капиталистической системы видится автором в ее фрагментация по государственно-национально-религиозно-территориальному принципу, которая будет, очевидно, и началом конца мировой финансовой капиталистической системы.

На основе проведённого анализа, применительно к экономике России, можно сказать, что основа будущего роста ее экономики — это не погоня за возможно большим количеством внедренных новшеств периода информационной капиталистической экономики, а приложение этих нововведений в трудоемких отраслях промышленности и сельского хозяйства, т. е. акцент на совершенствовании развития именно индустриального этапа развития, а не постиндустриального в том виде, каким создала его мировая капиталистическая система.

Ключевые слова: рациональность; иррациональность; динамика; промышленный капитал; финансовый капитал; материалистическая диалектика; мировая капиталистическая система

Введение

Вступление мира в XXI век ознаменовалось нарастающим потоком апокалиптических прогнозов о скорой кончине мировой капиталистической экономики, а также крахе ее финансовой системы и ее основной валюты — американского доллара. На эти прогнозы не скупилась политологи, социологи, философы, ну и, конечно, финансисты и экономисты.

Рубежом начала глобального кризиса мировой капиталистической системы обычно принято считать начало 70-х годов XX в. Каковы были основные направления прогноза ее развития с момента начала этого кризиса?

Так Ф. Бродель в работе «Динамика капитализма» позиционирует себя как «историка» и отмечает живучесть капитализма: «...все те методы и уловки к которым прибегает капитал ... давно известны капитализму, а его сила и характерная особенность в том и состоит, что бы переходить от одной хитрости к другой, десятикратно перестраивая свои порядки в зависимости от обстоятельств и конъюнктуры, оставаясь при этом в достаточной мере приверженным своей сути, тождественным самому себе» [1, с. 122]. Т. е. по Броделю кризис мировой капиталистической системы является «кризисом роста». «Хитрости» капитализма поясним заимствованным у К. Маркса высказыванием: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы» [2, с. 770].

«Может ли существовать идеальное общество?» — вопрос как лозунг доказательства приемлемости капитализма на все времена, на который Бродель отвечает: «Я, во всяком случае, не думаю, что в мире нашлось бы много сторонников такого общества» [1, с. 122]. Бродель понимает крайнюю ограниченность по времени существования такого «исторического» подхода к описанию мировой капиталистической системы. Его вывод — для пролонгирования прогноза на отдаленное будущее «необходимо охватить всю совокупность явлений, чтобы одновременно понять и причины наблюдаемого изменения темпов роста, и особенности машинного производства» [1, с. 123]. Однако следует отметить, что такой метод давно известен, и он, пожалуй, поострее, чем бритва Оккама — это метод материалистической диалектики. Однако он почти не применяется либеральными толкователями экономической науки, включая и отечественных, всех мастей и научных степеней.

Позиция, изложенная Броделем в указанной работе свидетельствует по оценке Г. Хакимова о его отказе от марксистской трактовки хода истории как последовательном процессе: рабовладение, феодализм, капитализм. Он подчеркивает одновременность, синхронность и взаимозависимость существования этих систем [3].

Американский социолог И. Валлерстайн выделяет два момента в сценарии развития современной капиталистической системы в ближайшем будущем: «Период с 1990 по 2025/2050 гг., скорее всего, будет характеризоваться недостатком мира, стабильности и законности. Отчасти причиной тому будет закат Соединенных Штатов в качестве господствующей державы миросистемы. Но еще в большей степени это произойдет из-за кризиса миросистемы как таковой» [4, с. 29]. Однако при этом И. Валлерстайн все еще уповает на то, что мировая капиталистическая система вступила в очередной спад цикла Кондратьева. Вместе с тем, он отдает себе отчет, что любая система (физическая, биологическая, социальная) в своем развитии достигает момента, «когда противоречия становятся настолько острыми, что начинают приводить к все более и более значительным отклонениям. На языке новой науки это означает наступление хаоса ... что, в свою очередь, ведет к бифуркациям, наличие которых очевидно, но контуры которых непредсказуемы по самой их природе. На этой основе и возникает новый системный порядок. Вопрос заключается в том, вступила ли уже или вступает историческая система, в условиях которой мы живем — капиталистическая мирэкономка, в этот период “хаоса”» [4, с. 31]. По мнению Валлерстайна, основные изменения в указанный период будут связаны с увяданием либерализма. Заслугу либерализма он видит в том, что «вместо выдвинутого демократией требования равенства сейчас либерализм предлагал надежды на будущее. ... Но в той степени, в которой мечты увядают (как «изюм на солнце»), либерализм как идеология умирает, и опасные классы вновь становятся опасными» [4, с. 43].

Основные направления изменения миропорядка на его взгляд будут следующие:

«1. Способность государств к поддержанию внутреннего порядка, возможно, снизится. ... Однако самую большую опасность представляет собой перспектива ослабления государственности в зонах центра. ... На государства обрушивается поток требований обеспечить как безопасность, так и благосостояние граждан, которые они политически не в состоянии удовлетворить. В результате происходит постепенный процесс приватизации как безопасности, так и благосостояния, который ведет нас вспять от того направления, в котором мы двигались на протяжении пятисот лет.

2. По мере снижения значения идеологии при объяснении межгосударственных конфликтов, «нейтралитет» слабой, основанной на федеративных началах ООН станет еще более сомнительным. ... Призывы к «гуманитарной интервенции» в XXI в. могут рассматриваться как простая разновидность империалистической политики Запада девятнадцатого столетия, которая также искала себе оправдание в цивилизаторской миссии.

3. Если исходить из предположения о том, что государства (и государственная система) будут становиться все менее эффективными, к кому станут обращаться люди за защитой? Ответ уже известен — к «группам». Эти группы могут быть самыми разными — этническими/религиозными/языковыми. ... Понятие государства связано с расширением и развитием; понятие группы ассоциируется с защитой и страхом.

4. Но в большинстве случаев мир будет взирать на происходящее взглядом стороннего наблюдателя, как это было в ходе ирано-иракской войны, как это имеет место в бывшей Югославии или на Кавказе, или даже во многих гетто Соединенных Штатов. Такая позиция станет еще более явственной, если число одновременно происходящих конфликтов Юг-Юг возрастет.

5. Последний фактор хаоса, который нельзя недооценивать — новая «черная смерть». Причины повсеместного распространения СПИДа остаются предметом самых противоречивых суждений. ... В свою очередь, развал государственности ведет к распространению новых заболеваний.

Такова в общих чертах картина второго хронологического периода, приходящегося на вступление в период хаоса. Есть и третий период — исход, новый порядок, который будет создан. Но говорить о нем подробно не имеет смысла, поскольку картина этого исхода в высшей степени неопределенна.

После завершения периода бифуркации, скажем, в 2050 или 2075 г., мы сможем с уверенностью говорить только о нескольких вещах. Мы не будем больше жить в условиях капиталистической мирэкономике. Вместо этого мы будем развиваться в рамках нового порядка или порядков, некой новой исторической системы или систем» [4, с. 44–49].

Роль финансового капитала в мировой экономической системе

Поскольку доминирующая роль в мировой капиталистической системе принадлежит финансовому капиталу, то обратимся и к ней.

Отметим, что годовой оборот валютного рынка в 8015010 раз превышает объем мирового ВВП¹, хотя следует считать эти цифры весьма заниженными.

Один из известнейших финансовых спекулянтов Дж. Сорос на этот счет приводит следующие аргументы: «Выбор, стоящий перед нами, сводится к следующему: станем ли мы регулировать мировые финансовые рынки в международном масштабе или предоставим каждой стране право защищать собственные интересы такими средствами — как это ей удастся. Второй путь, несомненно, приведет к краху гигантской циркулярной системы, которая известна под названием «мировой капитализм» [5, с. 120]. Т. е. фрагментация мировой капиталистической системы по государственно-национально-территориальному принципу, которая весьма вероятна, будет, очевидно, и началом конца мировой финансовой капиталистической системы. Если сравнивать мировую капиталистическую систему с неким организмом, а его кровеносную систему с аналогом — финансовой системой капитализма, то становится понятно, что отказ кровеносной системы означает смерть всего организма — существующей мировой капиталистической системы.

Называя Дж. Сороса финансовым спекулянтом мирового уровня, имеем в виду отличие спекулянта от инвестора на финансовом рынке в трактовке Бенджамина Грэма, приведенной в книге «Разумный инвестор» [6, с. 36].

Дж. Сорос лелеял надежды на создание мега регулятора мировой финансовой капиталистической системы. Но как говорится, не для этого она создавались. Поэтому глобальная идея Дж. Сороса указанная в этой книге: «Задача заключается в том, чтобы сделать международные финансовые рынки стабильными настолько, чтобы контроль над капиталом стал ненужным» [5, с. 130].

Прогноз американского финансового аналитика Д. Селента выглядит весьма удручающим: «В течение 2017 г. высока вероятность обвала фондовых рынков. Кризис начнется в любом случае. Обычно это медленный процесс, поэтому нельзя сказать, что экономика рухнет в одночасье. Хотя в нынешних условиях я не удивлюсь, если это произойдет мгновенно. Мировой "элитке" все это нужно не только для очередного обворовывания простых

¹ Маслов О.Ю. Мировой кризис в свете феноменов новой реальности и глобальные противоречия, требующие разрешения. URL: <http://www.polit.nnov.ru/2008/04/21/newrealgate/> (дата обращения 11.12.2020).

людей, но для того, чтобы создать хаос, от которого народы Земли сами попросили бы их спасти»².

Апокалиптические прогнозы мировых финансовых рынков стали достаточно обыденным явлением. Причина — высокая ликвидность финансовых активов и определяет их максимально быструю реакцию на изменения в системе мирового капитализма.

Как на вопрос динамики будущего развития капитализма смотрят собственно экономисты?

Прогнозы экономистов на будущее мировой капиталистической системы

Так представитель австрийской школы Й. Шумпетер в работе «Капитализм, социализм и демократия» писал: «Капитализм, который по существу является эволюционным процессом, истощится» [7]. Кризис и разрушение капитализма он аргументирует наличием тенденций, каждая из которых возникает за счёт развития капиталистических взаимоотношений.

Капиталистическая система приводит к возникновению монополий. Они угрожают существованию частной инициативы в лице предпринимателей, которая является неотъемлемой частью развития самой капиталистической системы. В процессе развития капитализма расслоение общества и исчезновение среднего класса, который является движущей силой промышленного капитализма, приведет к формированию социальной напряжённости и появлению «радикальных интеллектуалов», что и закладывает основы для потенциальных конфликтов.

Й. Шумпетер предсказывал почти неизбежное наступление социализма как результат отказа от капиталистических ценностей со стороны интеллектуалов западного мира. Отметим, что данный труд Й. Шумпетера был опубликован еще в 1942 г.

Что касается отечественных экономистов, то здесь, прежде всего, отметим так называемых «критических — марксистов», которые, по сути, являются ренегатами³. В указанной работе В. Костылев отмечает: «Перед нами очередная школка неких теоретиков, присвоивших себе название "критических марксистов", пытающихся, открещиваясь от "догматического марксизма", создать себе имя на якобы новом прочтении теории Маркса. ... Получается, что провозглашение критики марксизма и есть главная задача авторов, главное, это показать "учёному — обывателю" (термин АВБ) свою, якобы, творческую смелость, способность ниспровергать авторитеты».

Так доктор философских наук Мареев С.Н. в работе «Понять глобальный капитализм (размышления над книгой А.В. Бузгалина и А.И. Колганова "Глобальный капитал")» [8] отмечает, что «авторы "Глобального капитала" завершают свой труд новой формулировкой закона *капиталистического накопления*, показывая, что рост социальной поляризации, богатства на одном полюсе и бедности на другом, тем сильнее, чем слабее силы, выступающие за социальную справедливость — профсоюзы, левые партии, образовательные и иные социальные движения. И наоборот, усиление сторонников социализации ведет к ограничению власти капитала». Вообще-то такая закономерность давно известна и историкам, и социологам, и экономистам, и понятна всем здравомыслящим людям, интересующимся проблемами социального мироустройства в странах капитала.

² Прогноз американского финансового аналитика Джеральда Селента. URL: <https://michael101063.livejournal.com/590704.html>.

³ Костылев В.А. Бузгалин и его критический марксизм. URL: <http://www.proza.ru/2016/08/06/996>.

По мнению авторов А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «классический закон должен быть дополнен положением о том, что процессы концентрации капитала — на одном полюсе, обнищания трудящихся — на другом, характерны для позднего капитализма в той мере, в какой им не противостоит социальное творчество трудящихся, вызывающее снижение социально — экономической дифференциации» [9, с. 403].

Подобная велеречивость обычно была типично присуща профессорам от экономики в мире капитала. Таковым образцом можем считать работу О. Бем-Баверка «Основы теории ценности хозяйственных благ». Не совсем корректно при аргументации сослаться на собственные работы, однако ввиду ограниченности печатного объема статьи, я вынужден это сделать, отослав к работе «Субъективная и объективная полезность: Бем-Баверк vs Маркс»⁴.

При этом указанные авторы (А.В. Бузгалина и А.И. Колганов) отмечают: «В виде простейших формул эта связь может быть выражена следующим образом: $HC = f\{1/(Cr, Scr)\}$; $АН = f\{Cr, Scr\}$, где: HC — мера гегемонии корпоративного капитала, Cr — мера прогресса креатосферы, Scr — мера прогресса социального творчества, $АН$ — мера прогресса антигегемонистских сил» [9, с. 404].

Поскольку обычно философы с математикой вообще не дружат, а наши экономисты с ней также далеко не близкие друзья, то позволю сделать только общие замечания. Поскольку в правых частях для определения HC и $АН$ записана одна функция, то и мера должна быть одна и та же для HC — меры гегемонии корпоративного капитала и $АН$ — меры прогресса антигегемонистических сил. Однако сказать, что одна и та же мера должна быть для капитала и сил — это уже слишком. Авторы не удосуживаются сказать, в какой комбинации должны входить аргументы Cr и Scr в функции f . Но это, видимо, по мнению авторов, сущий пустяк. Достаточно пространное приведенное здесь объяснение ставит задачей оттенить отечественные особенности уровня теоретического познания указанных «критических марксистов». Ну и позволяет мне присоединиться к мнению В. Костылева по поводу их наскоков на марксизм.

Общее замечание Мареева С.Н. к работе А.В. Бузгалина и А.И. Колганова можно охарактеризовать как «то и дело выясняется, что то, что выдают за новое, это “хорошо забытое старое”» [8].

Итак, подведем итог состояния современной капиталистической системы, воспользовавшись цитатой из статьи А.И. Фурсова «Что нас ждет впереди»⁵:

- рынка практически уже нет, есть глобальные монополии;
- государство отмирает (*уровень социальных гарантий падает*);
- гражданское общество скукоживается (*нет классовой борьбы по линии труд — капитал*);
- политика превращается в комбинацию административной системы и шоу — бизнеса (*дебилизация населения за счет воздействия, прежде всего, СМИ, дает пышные плоды*);

⁴ Чернявский А.Д. Субъективная и объективная полезность: Бем-Баверк vs Маркс / А.Д. Чернявский // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnaya-i-obektivnaya-poleznost-bem-baverk-vs-marks>.

⁵ Фурсов А.И. Что нас ждёт впереди? URL: <https://ladstas.livejournal.com/359258.html>.

- деньги потеряли ряд функций и в значительной степени перестали быть деньгами (*на рынках довлеет финансовый капитал, практически не связанный с производством*);
- европейцы утратили одну из своих основ — трудовую этику, капиталу почти удалось поглотить, сожрать труд (*деградация стран ЕС особенно стала заметной после наплыва мигрантов*), но и сам он от этого перестаёт быть капиталом.

Направления моделирования мировой экономики

Перейдем к возможности моделирования экономического развития. На основе онтологии экономического знания [10, с. 46–52] предлагается три направления моделирования экономики:

- Производственно-продуктовая (представители: классическая политэкономия, марксизм, кейнсианство, монетаризм).
- Поведенческая (представители: маржинализм, неоклассическая микроэкономика, неинституционализм и др.).
- Институциональная (представители: историческая школа, старый институционализм, ряд направлений нового институционализма).

Любая разрабатываемая модель должна достаточно точно отражать изучаемый объект в выбранном направлении его развития и иметь возможность достоверно прогнозировать его развитие во времени. В этом направлении неоклассика и широко известный экономикс не позволяют говорить о возможности разработки на их методологической основе интересующей нас модели. Основные причины: предмет здесь — распределение ограниченных экономических ресурсов с целью их максимально эффективного использования (максимизация дохода), предполагается равновесность состояния изучаемых экономических факторов, что не предполагает критических вариантов развития (кризисов).

Отметим, что предлагается, например, в качестве парадигмы использовать «современную версию политической экономии», системообразующим признаком которой являются «отражающие интересы (цели), ресурсы и действия больших социальных групп в системе общественного разделения труда и собственности» [11]. Понятно, что выделение неких социальных групп по их роли в разделении труда и по отношению к собственности — это уже «новая» политэкономия, включающая смесь, как собственно марксистского подхода (отношение социальных групп к собственности), так и социологии (роль социальных групп в общественном разделении труда).

С точки зрения допущения различных вариантов поведения человека, в экономической системе допускают обычно три вида рациональности [12]:

1. *Сильная форма рациональности* — предполагает максимизацию.
2. *Полусильная форма* — ограниченная рациональность.
3. *Слабая форма* — органическая рациональность.

Отметим, что *органическая форма рациональности* — слабая форма рациональности, оказалась удобна, как для сторонников неоклассики (А.А. Alchian, R.R. Nelson, S.G. Winter) так и представителей противостоящей им австрийской школы экономики (К. Menger, F.A. Hayek, I.M. Kirzner). При этом в рамках этого подхода, О. Уильямсон говорит о том, что общие схемы

таких основополагающих институтов как денег, рынков, права и права собственности нельзя запланировать, и они не созревают в чем-либо сознании.

Укажем еще один возможный вариант — «модель политико-экономического человека» [11]. Здесь человек как элемент экономической системы прорастает одновременно в базисе и надстройке политэкономической структуры общества. Однако далее обрисовки общего контура функций в этой модели дело не идет. Причина — слишком большой набор совершенно разноплановых функций в такой модели. Одно дело декларировать, что она впитала лучшие черты человека экономического и человека социального, другое дело — попытаться создать математическую модель такого человека с позиции проблемы выбора.

Говоря о возможности разработки политико-экономической модели и дальнейшего прогнозирования на ее основе развития капитализма Прокин В.В. отмечает: «в данном подходе основными для прогнозирования выступают не эконометрические функции тех или иных статистических переменных, но функции диалектического противоречия, отрицания и синтеза противоположных сторон экономического базиса капитализма» [11].

При этом, данный автор, естественно, не приводит какой-либо математической формы записи указанных им функций «диалектического противоречия, отрицания и синтеза противоположных сторон экономического базиса капитализма». Т. е. таковые явления имеют место, ну а функции просто декларируются как возможные.

Диалектические основания моделирования системы

Для дальнейшего построения модели, сделаем предварительные допущения.

Поскольку предполагаем построение динамики развития капиталистической системы, то для этого используем минимальный действующий элемент такой системы — человека. В нем сфокусированы уже основные противоречия всей системы, которые в дальнейшем лишь усиливаются.

При этом для дальнейшего развития модели по схеме абстрактное в элементе системы — конкретное в виде реализации диалектического противоречия в нем, и перехода к новому уровню развития — самой системе, используем превращенную форму, являющуюся реализацией диалектического противоречия в элементе системы — человеке.

Именно прогноз развития системы на основе диалектического противоречия дихотомической пары рациональное-иррациональное и позволит нам сделать прогноз развития всей капиталистической системы.

Поскольку временной лаг нашего прогноза охватывает все стадии развития капиталистической системы: зарождение, рост, насыщение, то отметим, что применение диалектических законов оправдано, поскольку они являются и эволюционными для любой системы, существующей в природе.

Работа Ф. Энгельса «Диалектике природы» относится к концу XIX в., где он, в частности, отмечает, что «...история природы и человеческого общества — вот откуда абстрагируются законы диалектики. Они как раз не что иное, как наиболее общие законы обеих этих фаз исторического развития, а также самого мышления» [13, с. 384]. Здесь важно отметить, что вся природа, как живая, так и неживая, а также сам человек подчиняются этим универсальным законам. Это означает, что математические модели, основанные на применении того или иного из этих законов, должны также носить универсальный характер, и в силу этого обладать универсальными и, соответственно, схожими результатами моделирования процессов, т. е. приложимыми к различным отраслям науки, как-то экономика, психология,

социология. И далее Ф. Энгельс указывает, что эти диалектические законы следующие: «Закон перехода количества в качество и обратно; Закон взаимного проникновения противоположностей; Закон отрицания отрицания».

Отсутствие понимания универсальности законов диалектики в природе требует обычно от авторов для объяснения привлечения всемогущей воли Создателя, т. е. Бога.

Например, в экономике динамика производительности труда (роста ВВП), потребительная стоимость и стоимость, как сам капиталистический способ производства и его движущая сила — наемный труд, являются выражением единства и борьбы противоположностей в существующем товарном производстве, в котором сам капиталист есть лишь «персонализация капитала, — одаренное собственной волей, личностью порождение труда, враждебное труду» [14, с. 307]. При этом новая категория появляется как порождение противоречащих друг другу закономерностей, способов деятельности, и, по словам Маркса: «сосуществование двух взаимно — противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения» [15, с. 136].

Здесь важно также отметить, что противоположности выступают как формы мысленного раздвоения единого на противоположные силы, стороны, тенденции, при этом ученый подвергает первоначально единое анализу, рассекая его на достаточно понятные и существенные стороны, а с другой стороны результат анализа — синтез, позволяет синтезировать новое знание о целом, помогая объяснить его сущности, и дает импульс развитию нового знания о будущем изменении целого. При этом, как отмечал В.И. Ленин в работе «К вопросу о диалектике»: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его ... есть суть (одна из “сущностей”, одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики». И далее: «Тождество противоположностей (“единство” их, может быть, вернее сказать? хотя различие терминов тождество и единство здесь не особенно существенно. В известном смысле оба верны) есть признание (открытие) противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе) [16, с. 316–317].

Говоря о возникновении и развитии противоположностей, Ф. Энгельс отмечает: «Взаимопротивоположность рассудочных определений мысли: поляризация. Подобно тому, как электричество, магнетизм и т. д. поляризуются, движутся в противоположностях, так и мысли. Как там нельзя удержать одну какую-нибудь односторонность, о чем не думает ни один естествоиспытатель, так и здесь тоже» [17, с. 528].

Мысль о единстве и борьбе противоположностей пронизывает всю историю человечества, по крайней мере, в оставленных рукописных памятниках. Так в труде «Дао дэ Цзин» древнекитайского философа Лао-Цзы (VI–V вв. до н.э.) говорится, что: «Ущербное становится совершенным, кривое — прямым, пустое — наполненным, ветхое сменяется новым»⁶.

Т. е. в человеке мыслительный процесс может быть представлен набором действующих противоположных механизмов — дихотомии. Дихотомия — (от греч. *dicha* и *tome* — рассечение на две части) — деление объема понятия на две взаимоисключающие части, полностью исчерпывающие объем делимого понятия⁷. При этом «основанием дихотомического деления объема понятия служит наличие или отсутствие видообразующего признака. ... Дихотомическое деление имеет недостаток: при делении объема понятия на два

⁶ Лао Цзы. Дао дэ Цзин. §22. URL: <http://lib.ru/POECHIN/lao1.txt>.

⁷ Дихотомия. URL: <http://tolkslovar.ru/d4130.html>.

противоречащих понятия каждый раз остается крайне неопределенной та его часть, к которой относится частица “не”»⁸.

Однако это определение можно назвать статичным, поскольку эволюционные законы диалектики требуют их единства и силу взаимопроникновения, и последующего изменения количества, а затем и качества рассматриваемой характеристики.

Как отмечает В.А. Вазюлин: «Закон единства и борьбы противоположностей доминирует именно в сфере сущности. А так как именно сущность есть ядро предмета, то ядром диалектики является учение о самодвижении сущности, т. е. о противоречии в сущности» [18, с. 350]. Этот закон оценивает динамику развития явления и выделяет в качестве основных взаимодействие понятий индивида.

Рассмотрим процесс взаимодействия противоположностей как даосскую монаду инь и ян. При этом «все явления окружающего мира, включая человека и природу, интерпретируются ... как взаимодействие между двумя началами инь и ян, представляющими собой различные аспекты единой действительности»⁹. Даосская монада демонстрирует соотношение двух противоположных начал, или, по выражению Ф. Энгельса, закон взаимного проникновения противоположностей. При этом «в сущности все соотносительно, имеется лишь в соотношении» [18, с. 350], т. е. масштаб монады и взаимное расположение начал Инь-Ян в динамике изменяются.

Рациональность в проблеме выбора в экономике находится в русле существующего «мейнстрима» экономической теории и «концепция рационального выбора, развитая в рамках современной экономической теории, в настоящее время выдвигается в качестве универсальной парадигмы исследования для всех социально-гуманитарных наук» [19].

Говоря о появлении в поле рассмотрения экономистов «иррационального» поведения индивида, отметим, что, по словам А.А. Раквиашвили: «Шаг за шагом экономисты отдалялись от «классической рациональности» и в конце 1970-х начале 1980-х гг. заговорили об иррациональности. И не удивительно, что первые же попытки найти иррациональные мотивы в человеческом поведении были встречены в штыки» [20].

При этом отношение к проблеме выбора индивида кардинально отличается в психологии и экономике, как отмечает Автономов В.С.: «Для психологии проблема выбора вовсе не имеет такого глобального значения, как для экономической науки. Но если психолог берется объяснить сделанный выбор, он стремится описать процесс принятия решения. Соответственно сам термин “рациональность” психологи обычно применяют именно к процедуре принятия решения, а не к ее результату. Для экономиста же это объяснение сводится к тому, чтобы показать, что результаты выбора, воплощенные в поведении, соответствуют концепции экономической рациональности» [21, с. 45]. Таким образом, человек с его сознанием, умом, ощущениями для экономиста остается черным ящиком, и для него главное, что бы этот «ящик» совершал выбор в соответствии постулатами рациональности экономической теории, ну а «поскольку в психологии отсутствует общая доминирующая парадигма, подобная основному течению экономической теории, психологи более спокойно относятся к “аномалиям”» [21, с. 45], т. е. к иррациональности в поведении человека.

В итоге оказалось, что «отсутствие логики является явлением универсальным и устойчивым. Оно одинаково типично для самых рафинированных и самых наивных. ... Вывод

⁸ Словарь логики. URL: <http://enc-dic.com/logic/Dihotomija-79.html>.

⁹ Инь и ян. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Инь_и_ян.

из этих результатов неутешителен. Инвариантность с нормативной точки зрения обязательна (что мы должны делать), интуитивно бесспорна и психологически несбыточна» [22, с. 296].

Как вариант толкования подобной ситуации возможно привлечение теории ограниченной рациональности по Саймону. При этом «предполагается, что принятие решений лучше понимать не как ущербное применение стандартного логического утверждения, но как использование многообразных эвристик. Эвристики — это способы рассуждений, использующие разнообразные «боковые ходы» при переработке информации и формировании выводов. При таком подходе исходная посылка экономистов, предполагающих, что экономические решения принимаются рациональным способом, заменяется психологическим представлением о рациональных предположениях» [23]. Однако проблема не устранена, а она просто переведена в другую плоскость: вместо рационального расчета берем «психологически реальные» предположения, которые опять же неизвестно как будут рассчитываться или оцениваться.

П. Бернштейн, резюмируя результаты опытов Канемана и Тверски, констатируя их вывод, что «теории выбора в лучшем случае приближительны и несовершенны. ... Выбор является процессом конструктивным и ситуационным», заключает: «Должны ли на этом основании отвернуться от теории Бернулли, Бентама, Джемсона и фон Неймана? Нет, у нас нет оснований для вывода, что частое отсутствие традиционных признаков рациональности само по себе доказывает точку зрения Макбета, что жизнь — история, сочиненная идиотом» [22, с. 301–302].

При этом Автономов В.С. замечает, что такая рациональность является функциональной, которую «следует отличать от более узкой концепции рациональности как оптимизирующего поведения, которая принята в основном течении экономической науки» [24, с. 13], т. е. «мейнстриме» экономической теории. Далее, он отмечает, что «иррациональным, т. е. антитезой экономически рациональному, будет в данном случае поведение не максимизирующее, т. е. либо “непоследовательное”, либо то, которое не соответствует интересам индивида, причем это ему известно» [24, с. 14].

Причина такой категоричности трактовки состоит в принятии статической границы между «рациональным» и «иррациональным». С точки зрения диалектических законов обе противоположности выступают в единстве, т. е. в динамическом взаимодействии и через их взаимопроникновение происходит снятие этого противоречия. Т. е. человек в процессе выбора использует как «рациональное» знание, которое можно трактовать как существующую наученность, так и «иррациональное», которое обязано эволюционному развитию человека как вида. Причем последнее часто он просто не может представить в процессе выбора в вербальной форме.

Богданов А.А. в «Тектологии» отмечает: «Сохранение является всегда лишь результатом того, что каждое из возникающих изменений уравнивается тут же другим, ему противоположным, — оно есть *подвижное равновесие* изменений. ... И по мере развития науки все чаще и чаще обнаруживалось, что там, где наивному восприятию представлялась одна устойчивость, неизменность, в действительности царит одно движение, что два потока противоположных изменений создают статическую иллюзию» [25, с. 197–198].

Однако при этом возникает дополнительное требование. Если для начала изменений может быть и достаточно внутренних противоречий в самой среде, то «для сохранения в изменяющейся, т. е. в конечном счете, во *всякой* среде, недостаточно простого обменного равновесия. Единственное, что может давать относительную гарантию сохранения, — это возрастание суммы активностей, перевес ассимиляции: тогда новые неблагоприятные изменения встречают не прежнее, а увеличенное сопротивление. ... Иными словами,

динамическим элементом сохранения комплекса является возрастание его активностей за счет среды» [25, с. 201]. Т. е. поскольку человек существо социальное, то именно эволюционный фактор и является основой устойчивого поведения, которое не ведет к саморазрушению индивида в итоге «экономически нерационального» выбора. Устойчивость человека как системы (или комплекса по Богданову) «зависит отнюдь не только от количества сконцентрированных в нем активностей — сопротивлений, а еще от способа их сочетания, от характера их организационной связи» [25, с. 207]. Т. е. не только уровень знаний человека, но и умение использовать как текущую, оперативную память во взаимосвязи с эволюционной, видовой, не поддающейся вербальной формулировке, позволяет человеку совершать эффективный выбор, который, исходя лишь из знаний, заложенных в его оперативную память и условий рациональности может показаться и иррациональным.

При этом процесс принятия решения не происходит по аналогии с решаемой компьютером задачей по наперед заданной программе. Сложная задача, требующая значительных усилий в условиях ограниченного времени, ведет, по словам Д. Юма к тому, что «напряжение воображения всегда препятствует правильному протеканию аффектов и чувств. ... Если душевные эмоции мешают утонченному рассуждению и размышлению, то эти последние акты нашего ума так же пагубно действуют на предыдущие. По-видимому, наш ум, так же как и тело, обладает лишь определенной степенью силы и деятельности, которую он может потратить на какой-нибудь один акт лишь в ущерб остальным» [26, с. 237]. Рациональность, поставленная во главу ума экономистами, по меткому замечанию Д. Юма не может считаться таковой: «Так как разум сам по себе никогда не может вызвать какого-либо поступка или даже дать начало хотению, то я заключаю отсюда, что наша способность столь же бессильна препятствовать хотению или же оспаривать господство какого-нибудь аффекта, какой-нибудь эмоции. ... Таким образом, оказывается, что принцип, противодействующий нашему аффекту, не может быть разумом и его лишь неправильно называют так» [26, с. 237].

Однако, что касается собственно формирования научной теории, то, например, К. Поппер делает следующее замечание: «Мы должны различать нашу рациональность — вопрос об интуитивных или иррациональных элементах в противовес рациональным элементам в процессе формирования теории или доказательства, — и ценность сформированной структуры ... самой по себе» [27, с. 170].

Рациональные экономические действия являют часть идеализированной картины мира, окружающего человека. На это указывает, например, М.К. Мамардашвили: «Есть у нас тем самым два мира: есть мир, в котором выполняются физические законы, и есть мир, в котором есть рациональные действия, законосообразность которых основана, фактически, на том, что мы способны их понимать как рациональные. Отсюда идея рациональной экономики, рационального общества, т. е. такого, которое целиком может быть воспроизведено на уровне модели этого полностью рационального, прозрачного для самого себя действия, которое воспроизводит все элементы своего поля в луче своего взгляда, где все элементы действия, и прежде всего соотношения целей и средств, находятся между собой в прозрачных и постижимых отношениях. Тем самым здесь действуют некоторые вечные и неизменные законы, которые предполагают, что субъект есть некоторая константа, имеющая константный набор рационально понятных потребностей, задач, стремлений. Таково, скажем, понятие "гомо экономикус" в политэкономии»¹⁰.

Поскольку не вызывает сомнения, что понятие «рациональность» имеет специфические черты в каждой отрасли науки, тем самым если представить фазовое пространство с осями —

¹⁰ Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/klassicheskiy-i-neklassicheskiy-idealy-racionalnosti.html>.

отраслями наук, то понятие «рациональность» будет проецироваться на каждую из таких осей со своей особой проекцией, то опять же следуя М.К. Мамардашвили, можно дополнить: «Дискретно структурирующий разворот его в этих измерениях покоится на предметно-деятельном механизме, бытийные корни которого переплетены с элементом (принимается как постулат) неизмеримого и свободного независимого действия»¹⁰.

При этом поиск феномена «рациональность» уже становится неотделим от сознания человека и только «во взаимосоотношении сознания и бытия, когда мы учитываем действие континуума "бытие — сознание", мы уже не имеем права прямо устанавливать социальную (и любую иную) детерминацию мысли, мы можем делать это только поиском опосредствующих промежуточных звеньев, четко представляя себе, что феномен сознания как явление в континууме многосложен, многомерен, распространен или растянут в глубины и что эффекты действия систем и есть то, что является предметом выявления и исследования, а не сознательные корыстные мотивы у людей, которые были бы им просто "свойственны" вообще или определенным социальным их группам в частности»¹⁰.

Однако нам необходимо обратиться к построению модели выбора, и здесь уже следует совершить редукцию, т. е. вернуться от философской трактовки рациональности и собственно моделированию, т. е. сузить объем возможных параметров до состояния существенных в рассматриваемой модели, поскольку мы говорим о процессе выбора, то должны обязательно обратиться, собственно, к возможности психологического анализа. Здесь будет уместно отметить предложение Шульгина М.В. Он предлагает подходы к рассмотрению психолого-экономического метода анализа поведения. В качестве общей посылки он считает, что «психологическая модель экономического поведения исходит из того, что субъект при условии высокой заинтересованности стремится вести себя по мере возможности рационально (ограниченно рационально)» [28]. Однако это скорее направление поиска путей построения модели, нежели указание метода ее построения.

При этом в качестве областей, определяющих выбор индивида, он предлагает отнести: (1) природа; (2) реакции; (3) когнитивно-деятельностный компонент; (4) нормативно-цивилизационный комплекс. Как предлагает Шульгин М.В.: «Природа потребительского поведения и психических новообразований человека скрыта в биопсихологической фундаменте. Она отражает инстинкты (выживания, размножения), склонности и потребительские настроения, вызванные желаниями, потребностями, эгоизмом» [28]. Безусловно, вряд ли такое многообразие совершенно самостоятельно действующих факторов, тем не менее, детерминированных конкретным индивидом в конкретной пространственно-временной привязке, можно сразу переложить на язык математической модели, дабы сравнить ее прогноз с существующим поведением экономически рационального человека и экспериментальными данными.

Критическая оценка соотношения рационального и иррационального была высказана Ф. Хайеком: «Нам не дано действовать с полным знанием всех фактов, характеризующих ситуацию; нам приходится выделять какие-то существенные аспекты, и мы это делаем не в результате сознательного или продуманного выбора, а используя механизм, не контролируемый нашим сознанием. Возможно, теперь станет понятно, что постоянное акцентирование внерационального характера значительной части нашего поведения означает не умаление или критику такого способа действий, но напротив, выявление причин его успешности» [29, с. 49]. Показателен вывод Ф. Хайека: «Таким образом, конструктивистский рационализм ... смыкается с иррационализмом. Конструирование возможно только при наличии конкретных целей, которые в конечном итоге, должны быть нерациональными, и никакими рациональными аргументами невозможно достичь согласия по поводу этих целей, если только его не было изначально» [29, с. 52].

Отметим также, что Ф. Хайек придерживается эволюционного подхода к пониманию человеческого сознания: «Человеческое сознание, каким мы его знаем, вовсе не было единственной движущей силой цивилизации, целиком определяющей направление ее эволюции, но скорее оно само развивалось и эволюционировало одновременно с цивилизацией. ... Понимаемое так человеческое сознание — это не столько поддающиеся проверке знания о внешнем мире или осуществляемые человеком интерпретации непосредственного окружения, сколько способность» [29, с. 43].

Анализ подходов к соотношению рационального и иррационального в процессе выбора человека

Исходя из таких предпосылок, проведем анализ подходов к соотношению рационального и иррационального в процессе выбора человека. При этом как дихотомические начала они в дальнейшем будут использованы для построения модели выбора человека на основе конкуренции механизмов рациональности и иррациональности.

Прежде всего, с методологической точки зрения ответим на вопрос о возможной динамике процесса в случае рационального и иррационального подходов. Здесь, пожалуй, основополагающим признаем рассуждения Аристотеля, приведенные в его «Политике» в части его анализа соотношения двух начал: рационального — экономика и иррационального — хрематистика.

Он отмечает: «Тождественно ли искусство наживать состояние с наукой о домохозяйстве? ... Ясно, что искусство наживать состояние не тождественно науке о домохозяйстве» [30, с. 387].

При этом, что касается рационального начала в человеке, то здесь Аристотель отмечает: «Ведь мера обладания собственностью ... не беспредельна. ... Предел этот существует, как он существует и в остальных искусствах: всякое орудие во всяком искусстве не является беспредельным в отношении своего количества и величины» [30, с. 390].

Что касается иррационального начала, то здесь мнение Аристотеля следующее, что «в искусстве наживать состояние никогда не бывает предела в достижении цели» [30, с. 392].

При этом точка зрения Аристотеля на взаимодействие этих противоположных начал в человеке, по сути, диалектическая: «Причиной этого является тесное соприкосновение обеих областей; та и другая скрещиваются между собой в применении тождественных средств для достижения своих целей. ... но не одинаково: в одном случае цель — нечто иное, в другом — приумножение того же самого» [30, с. 393].

Именно эта мысль о диалектическом единстве рационального и иррационального начал в человеке, а также насыщении рационального и отсутствии такового у иррационального начала и положена в основу модели проблемы выбора индивида.

Здесь предполагаем, что индивид в процессе выбора может быть представлен в виде параллельно работающих двух подсистем: рациональной и иррациональной. При этом каждая из них в процессе выбора ведет себя в соответствии с изложенными представлениями о возможности насыщения или отсутствия такового. Здесь мы говорим для определенности о фазе потребления блага человеком.

Считаем, что рациональная подсистема человека оценивает полезность потребляемого блага с учетом насыщения, и процесс потребления блага описывается по аналогии с первым законом Госсена:

$$\Delta U = [U_0 - U] \Delta q, \quad (1)$$

где ΔU — приращение полезности при потреблении Δq количества блага;

U — текущая полезность при потреблении объема блага q ;

U_0 — предельная полезность, соответствующая ограничению полезности при рациональной оценке полезности объема потребленного блага.

Т. е. приращение полезности за счет изменения количества блага Δq будет пропорционально отклонению от равновесного состояния U_0 .

Следующее допущение — что вторая рассматриваемая подсистема, отвечающая за иррациональную оценку полезности потребленного блага ведет себя следующим образом:

$$\Delta U = U\Delta q, \quad (2)$$

т. е. полезность прирастает пропорционально уже достигнутому уровню U и приращению потребленного количества блага Δq .

Результирующее приращение полезности вследствие одновременного действия обеих подсистем и их конкуренции представим в виде мультипликативного эффекта:

$$\Delta U = \alpha U \left(1 - \frac{U}{U_0}\right) \Delta q. \quad (3)$$

Таким образом, мы получили модифицированный закон изменения величины субъективной полезности потребленного блага в предположении наличия двух противоположных по действию конкурирующих механизмов оценки полезности рационального и иррационального.

Переходя от конечных приращений к дифференциалам, запишем окончательно дифференциальное уравнение:

$$\frac{dU}{dq} = \alpha U \left(1 - \frac{U}{U_0}\right); \quad \alpha > 0. \quad (4)$$

В этом дифференциальном уравнении член $(1 - U/U_0)$ обеспечивает механизм достижения насыщения, т. е. «предельной» полезности при потреблении блага.

В итоге получили известное в биологии уравнение изменения популяции при ограниченности имеющихся ресурсов [43, с. 23].

Решение уравнения дает зависимость величины полезности U от количества потребленного блага q :

$$\frac{U}{U_0} = \frac{U(0)e^{\alpha q}}{U_0 - U(0)(1 - e^{\alpha q})}. \quad (5)$$

Это уравнение логистической кривой. Особенность этой зависимости, что величина полезности при отсутствии еще потребленного блага: $U(q = 0) = U(0) \neq 0$.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродель Ф. Динамика капитализма. Пер. с фр. В. Колесникова / Ф. Бродель. Смоленск: Полиграмма, 1993. 128 с.
2. Маркс К. Собрание соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат. 1960. Т. 23. 908 с.
3. Хакимов Г.А. Динамика истории в концепции «тотальной истории» Ф. Броделя / Г.А. Хакимов // Знание, понимание, умение. 2007. № 3. С. 108–115.
4. Валлерстайн И. После либерализма. Пер с англ. под ред. Б.Ю. Кагарлицкого / И. Валлерстайн. М.: 2003. 256 с.
5. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. / Дж. Сорос. М.: ИНФРА-М. 1999. 262 с.
6. Грэм Б. Разумный инвестор. Пер. с англ./ Б. Грэм. М.: Издательский дом «Вильямс», 2009. 672 с.
7. Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия: Пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. — М.: Экономика, 1995.
8. Мареев С.Н. Понять глобальный капитализм (размышления над книгой А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитал» С.Н. Мареев // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 60–67.
9. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал в 2-х тт. т 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Издание 3-е, испр. и суц. доп. / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. М.: ЛЕНАНД, 2015. 904 с.
10. Ананьин О.И. Структура экономического знания / О.И. Ананьин. М.: Наука. 2005. 244 с.
11. Прокин В.В. Политико-экономическое прогнозирование современного капитализма. Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2013. Т. 7. № 2. С. 6–12.
12. Уильямсон, О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа / О. Уильямсон // Альманах Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 39–49.
13. Маркс К. Собрание соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат. 1961. Т. 20. 828 с.
14. Маркс К. Собрание соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат. 1964. Т. 26. Ч. III. 674 с.
15. Маркс К. Собрание соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат. 1955. Т. 4. 638 с.
16. Ленин, В.И., Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат. 1973. Т. 29. 783 с.
17. Маркс К. Собрание соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат. 1961. Т. 20. 828 с.
18. Вазюлин, В.А. Логика «Капитала» Карла Маркса / В.А. Вазюлин. М.: Современный гуманитарный университет. 2002. 390 с.
19. Рузавин Г.И. Методология научного познания. Методология научного познания: Учеб. пособие для вузов / Г.И. Рузавин. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 287 с.

20. Раквиашвили А.А. Эволюция концепции рациональности в экономической теории // Журнал экономической теории. 2010. № 1. С. 46–56.
21. Автономов В.С. Модель человека в экономической теории и других социальных науках // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып 3. М.: ГУ-ВШЭ, 1998. 512 с.
22. Бернштейн П. Против богов: Укрощение риска. Пер. с англ./ П. Бернштейн. — М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2006. 400 с.
23. Лунт П. Психологические подходы к потреблению: вчера, сегодня, завтра / П. Лунт // Иностранная психология. 1997. № 9. С. 8–16.
24. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке / В.С. Автономов. СПб.: «Экономическая школа». 1998. 230 с.
25. Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 1 / А.А. Богданов. М.: Экономика, 1989. 304 с.
26. Юм Д. Сочинения в 2-т. Т. 1. Пер. с англ./ Д. Юм. М.: Мысль. 1966. 733 с.
27. Поппер К. Призыв Бернаиса к более широкому пониманию рациональности // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС. 2000. 464 с.
28. Шульгин М.В. Предпосылки становления психолого-экономического метода анализа поведения / М.В. Шульгин // Известия Иркутской государственной экономической академии, 2013, № 2, с. 118–123.
29. Хайек Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. Пер. с англ. / Ф.А. Хайек. М.: ИРИСЭН. 2006. 644 с.
30. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. Пер. / Аристотель М.: Мысль. 1983. 830 с.

Chernyavsky Alexander Dmitriyevich

Moscow Technical University of Communications and Informatics
Volga-Vyatka branch, Nizhny Novgorod, Russia
E-mail: tutornn09@rambler.ru

To the dynamics of the development of capitalism. Part 1

Abstract. The world system of capitalism, as any system in the process of evolution is subject to birth, growth and saturation with subsequent transformation into a new formation, which inherits the General features of its predecessor either, given the aggressive nature of capitalism, rejects them. Particularly hard disputes about the fate and further ways of development of the world capitalist system marked the end of the twentieth century and, consequently, the beginning of the XXI century. The main motive behind this debate, are continuous growing crisis in the world financial capital.

A critical analysis of the main results of the work of economists, sociologists, and political scientists about the ways of evolutionary development of the world capitalist system.

The attempt is made, based on the analysis of the behavior of the smallest element of this system — the individual, as well as using the dialectical materialist law of the unity and struggle of opposites in the form of dichotomous pairs individual — rationality and irrationality, to assess the dynamics of the entire capitalist system.

Based on the concept introduced by Marx transformed form carried out the projection of this pattern on the dynamics of the world capitalist system. Thus it is obtained that the evolutionary curve of development of the world capitalist system is described logistai, i.e. passes all the beginning of three phases of development. It is shown that in fact the sharp increase of financial capital of the world system accelerates the process of reaching her saturation.

The analysis based on the self-similar representation, showed that the bifurcation point for the global capitalist system is the end of the twentieth century.

A comparison of the possible ways of further development of the capitalist system on the basis of the work of economists, sociologists, political scientists.

The basic way of further development of the world capitalist system is seen by the author in its fragmentation at the state and national-religious-territorial principle, which will, obviously, and the beginning of the end of the global financial capitalist system.

On the basis of the analysis, in relation to the economy of Russia, we can say that the basis for the future growth of the economy is not the pursuit of the largest possible number of implemented innovations of the period information of the capitalist economy, and the application of these innovations in labour-intensive sectors of industry and agriculture, i.e. the emphasis on perfection of development is the industrial development stage, not post-industrial in the form which made him the world capitalist system.

Keywords: rationality; irrationality; dynamics; industrial capital; financial capital; materialist dialectics; the world capitalist system